

Пусть всегда будет жизнь!

Эти три истории представляют собой своеобразный триптих, тема которого Вторая Мировая война. Главные персонажи – дети: русская девочка Галя, моя мама, итальянский мальчик Романо и немецкий мальчик Хорст.

Маленькие свидетели большого человеческого горя, участники страшного пути на выживание, длиною в четыре года. Их жизнь началась с войны и от ее исхода зависело будет ли она вообще продолжаться...

В наши дни, в преддверии празднования Дня Победы, повсюду проводятся конкурсы «Дети рисуют войну». Здесь же прозвучат воспоминания людей, которые можно объединить одним общим заглавием «Дети рассказывают о войне».

Как хорошо, что сегодня наши дети ее только рисуют...

Светлана Петрова

ОБРАТНЫЙ АДРЕС – ЛЕНИНГРАД

Историческая справка:

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда, в январе 1943 – прорвана, и только **27 января 1944** года полностью снята.

Погибли 2 миллиона 887 тысяч гражданского населения, включая 400 тысяч детей!
Только на Пискаревском кладбище захоронены около 500 тысяч человек...

В немецком городе Аахен, на кровати у окна в больничной палате на двоих, лежал парализованный старик, рядом с ним сидела пожилая немка - румяная, вся в кудряшках блондинка, – его жена. По горькой иронии судьбы, в эту же палату попал мой муж. Услышав наш разговор на итальянском языке, старик оживился: «Откуда твоя жена?». Муж ответил, что я русская из Петербурга. «О, я знаю этот город! Раньше он назывался Ленинград. Я там воевал!» - с гордостью заявляет он. Муж, хорошо зная немецкий, переводит, и у меня темнеет в глазах....

Подумать только, спустя 60 лет, я – дочь Гали Потаповой, девочки из блокадного Ленинграда – вижу перед собой одного из тех, кого ненавидела с детства всей душой! Старик с большим энтузиазмом пустился в воспоминания о войне и все говорил и говорил по-немецки. Мой муж, зная-понимая-жалая меня, уже ничего не переводил...

Я выросла на рассказах моей бабушки, Анны Ивановны Потаповой, об этой страшной войне и о блокаде Ленинграда. Именно эти истории врезались мне в память на всю жизнь.

С детства война стала для меня чем-то осязаемым, она «жила» в нашем доме: я ее видела, точнее, чувствовала-страдала-ненавидела и боялась.

Мы жили в обычной ленинградской коммуналке в двенадцатиметровой комнате четвером: бабушка, мама, отец и я. Помню, как моя бабушка-бабуля по ночам сидела на кровати и, раскачиваясь из стороны в сторону, поглаживала свои забинтованные ноги – убаюкивала боль... В шесть утра она уходила на работу. Выстиранные бинты сохли в комнате у печки, а по вечерам я помогала закручивать их в тугие рулончики. Бабушка промывала раны, перевязывала обе ноги и опять с трудом засыпала. А мне снились «застенки гестапо» и, как многих детей, мучил вопрос: смогу ли я выдержать страшные пытки?..

Весной мы ездили на Пискаревское кладбище и бабушка говорила, что в любой из этих безымянных могил могут лежать родные, друзья, близкие люди. Поражало количество бесконечных гранитных плит, тянувшихся до линии горизонта...

Когда началась война, Анне Потаповой, моей будущей бабушке, был 31 год. Молодая женщина с двумя детьми - дочь Галя, 8 лет (моя будущая мама), трехлетний сын Женя и больной муж. У моего деда был порок сердца и на фронт его так и не взяли, он служил в трудовой армии. К концу войны «мужская» половина нашей семьи умерла и их осталось двое. Бабушка умерла 16 лет назад. Моя мама – не любит рассказывать о войне, но мне удалось уговорить ее написать мне письмо-воспоминание. Письмо из Петербурга (Ленинграда) в Италию...

.....

«Помню начало войны. Был теплый июньский день: растерянные, испуганные лица людей. Нарушены все планы. Нас, ленинградских детей, на лето вывозят под Тихвин, недалеко от города, но почти сразу привозят обратно, так как совсем близко начинаются бои за Ленинград. И уже 8 сентября 1941 года наш город был полностью окружен. Кольцо блокады сомкнулось.

По ночам были видны то тут, то там сигнальные ракеты: это либо немецкие шпионы, либо предатели указывали немцам объекты для очередной бомбежки. Таким вот образом были сразу уничтожены городские склады продовольствия. Потом голодные люди приходили на место пожарища собирать землю, перемешанную с сахаром, мукой. Дома все это перебиралось, процеживалось, промывалось.

Нам повезло, так как мама, наученная голодным детством (революция 1917 года, затем гражданская война), никогда не выбрасывала хлеб, и к началу войны у нас было два мешочка сухарей. До конца дней своих мама не выбрасывала хлеб и сушила сухари. «Выбрасывать хлеб – это грех!»- говорила она.

К бомбежкам мы привыкли. Кругом разрывались снаряды, бомбы. Осколки летели повсюду. Окна домов были заклеены крест накрест ленточками из бумаги, чтобы не вылетали стекла. Наш дом стоял рядом с вокзалом, откуда отправляли военных в Кронштадт и Ломоносов, где стояли корабли. И, когда обстреливали город, люди забегали к нам в подъезд. Многое обсуждалось, но главное – когда же мы разобьем немцев. Всем казалось, что война - это ненадолго, а затянулось на 4 года.

Зимой началось самое страшное: небывалый мороз, голод, нет отопления, нет электричества, нет воды. Был введен комендантский час. С темнотой город замирал. Изголодавшие, обессиленные люди шли на улицу за водой и тут же падали и умирали... Эти кадры кинохроники обошли весь мир.

Ввели хлебные карточки. Детям и иждивенцам выдавали по 125 граммов в день, рабочим – 250 граммов. Помню, в хлебном магазине человека с палкой, на конце которой был вбит гвоздь. Увидев на весах кусочек драгоценного хлеба, он поддел его этим гвоздем и стал жадно есть. У него пытались отнять силой, били, а человек ел чужой хлеб и совсем не чувствовал боли...

По городу начала свирепствовать цинга – болезнь, вызванная недостатком витаминов.

Сначала стали опухать десна, а потом, у всех у нас выпали зубы. У мамы, плюс ко всему, в результате болезни открылись раны на обеих ногах. Передвигалась она с трудом и часто не спускалась в бомбоубежище. Кстати, очень многие оставались в квартирах во время бомбежек. Не было сил, не было страха. А моя мама в 31 год стала инвалидом и до конца своих дней эти раны так и не затянулись...

В нашем доме на первом этаже была аптека. Люди умирали, не доходя до нее, прямо на лестнице, а мы так и шагали через мертвые тела. Однажды я заснула сидя за столом, а проснулась от боли: меня за палец укусила огромная крыса. Эти твари невероятных размеров, ничего и никого не боясь, бегали повсюду. Но нам, ленинградским детям, не было страшно, весь страх куда-то ушел. Было просто интересно: залезть на чердак и обнаружить неразорвавшиеся бомбы, или сбегать в конец улицы и посмотреть на рухнувший дом... Страх пришел потом, когда мы стали все осознавать, когда стали умирать близкие и родные, когда в квартире из 15 человек осталось только трое...

Мама не хотела эвакуироваться из Ленинграда. Ведь самое страшное было позади: увеличили норму хлеба на человека; приближалась весна, а значит, можно было не думать о добычи дров, варить суп из разных трав. Так хотелось тепла и солнца! Но всех, у кого были маленькие дети, заставляли насильно покидать город.

И вот мы перебираемся с остальными эвакуированными через Ладожское озеро на машинах по льду на Большую землю. Вдруг в небе появляются вражеские самолеты, сверху на нас летят бомбы. Всюду крики ужаса, плач. На наших глазах уходят под лед машины, полные женщин и детей. Вот когда наступил настоящий страх! Очень многим не удалось перебраться на другой берег и дно Ладожского озера усеяно останками людей. Для нас - это была Дорога Жизни (впоследствии так называли этот путь), но сколько жизней там погребено...

А дальше - товарные вагоны, раньше в них перевозили скот. Там было еще ужаснее: ехали медленно, пропускали военные эшелоны с солдатами, танками, артиллерией. Добирались до Уфы (Башкирия) не помню сколько недель. На станциях многие меняли свои последние вещи на продукты. Тут же, в переполненных вагонах умирали сотни людей, тела которых сгружали на остановках... Весь этот ужас стоит перед глазами.

Наконец, добрались до станции Приютово, недалеко от Уфы. Встретили нас хорошо. Всех сразу поместили в школу, принесли ведро меда и много-много огурцов. Мед с огурцом – это было такое лакомство! Потом всех распределили по разным башкирским деревням. Нам дали отдельный деревянный домик с русской печкой, где мы пекли огромные ржаные хлеба. Мама стала работать в колхозе, мы помогали собирать колоски и за это нас кормили. Здесь мы почти не голодали. Когда у мамы немного зажили раны на ногах, она стала ходить за продуктами на базар. Даже зимой, при 40-градусном морозе, по снегу по колено, мама шла пешком 40 километров! Выходить надо было поздно вечером, чтобы к утру быть на месте.

Собирались группами, так как стаи волков, сбежавшихся отовсюду, подальше от войны, шли по пятам...

Позже пустили поезд, который был всегда переполнен, поэтому добирались до города на крыше вагонов. Причем надо было успеть пристроиться у трубы: тогда больше шансов удержаться и тебя не снесет с крыши на поворотах и не сбросят с поезда промышлявшие там мародеры. И я каждый раз ждала: вернется мама или нет.

В эвакуации мое образование продолжилось в сельской школе, где все говорили на незнакомом мне башкирском языке. К счастью, дети моментально осваивают чужой язык и я уже через месяц почти все понимала. Правда, процесс интеграции «чужаков» в новой школе проходил гораздо медленнее, чем обучение языку и очень часто приходилось отстаивать свои права в кулачных боях.

Через год мама отдала меня в школу в соседнюю русскую деревню. В одном классе были дети с 1-го по 4 класс: сидели по рядам. Бумаги не было, поэтому писали на газетах между строк и, конечно, пером №86, а еще было перо «лягушка», но это в старших классах. Чернила же делали из всего, что попало.

Зимой я жила в доме одной доброй женщины. Волков было столько, что они ночью подходили к скотным дворам и загрызали домашний скот. Весной ходила за 2 километра домой, причем ходила в лаптях¹ и ноги постоянно были мокрыми. А летом и осенью до первых заморозков – босиком, ведь другой обуви не было...

Однажды, когда мы были в школе, прискакал парнишка на коне и крикнул ПОБЕДА. Радости не было конца. Но тут оказалось, что в Ленинград перебраться непросто – нужен вызов от родственников. И только летом 1946 года мы смогли вернуться в Ленинград. Но это уже другая история. Этот год тоже был не из легких, но мы были уже у себя дома, в родном городе».

*Галина Петрова (Потапова),
Санкт-Петербург.*

P.S. Низкий поклон моей бабушке Потаповой Анне Ивановне и моей маме Петровой Галине Петровне за то, что они научили меня быть счастливой!

Мои родные женщины прошли в жизни через многое. С малых лет у каждой - бесконечные преодоления, совсем недетские потери, физические страдания, наконец... А их ответ судьбе – полное отсутствие страха, уверенность в собственных силах и какой-то неправдоподобный оптимизм. С ними я с детства чувствовала себя защищенной!

Да, я счастливая женщина, еще и потому, что Никто и Ничто не помешало мне быть ею. Меня воспитали так - все в твоих руках. Только б не было войны...

Да здравствуют Ленинградцы!

Светлана Петрова, Италия.

Я ВИДЕЛ, КАК БОМБИЛИ МИЛАН...

В последний год Второй Мировой войны мне было семь лет. Многие воспоминания об этом времени встают перед моими глазами, как живые. Что-то я услышал от своего отца, Джузеппе Челано, который участвовал не только во второй мировой войне, но и в первой, и от своих старших братьев, Винченцо, мы его звали Энцо, и Антонио, для нас - Нэнэ.

Все трое ушли на фронт с самого начала войны, и всем троим удалось остаться в живых, хотя их судьбы сложились по-разному.

На долю моего самого старшего брата Энцо выпали все мыслимые и немыслимые испытания. Сначала он воевал в России, а точнее участвовал в этой жуткой военной кампании на русском фронте, где итальянские солдаты были брошены на произвол судьбы без должной амуниции и провианта. Голодные и изнемогающие от холода и ко всему прочему - не уверенные в идее покорения российских территорий, они дезертировали в массовых количествах. В их числе был и мой брат Энцо.

Ночевали на кладбищах, прижавшись друг к другу, ели полевых мышей, чтобы выжить, днем пытались передвигаться на Запад. В период самых сильных морозов моего брата приютили местные крестьяне и выходили его. Он рассказывал, какие хорошие отношения сложились у него с прятавшей его семьей; как симпатична была ему дочь хозяина... К сожалению, я не помню ее имени.

Немецкие подразделения, прочесывая деревню за деревней в поисках дезертиров, обнаружили моего брата и отправили в концлагерь Матхаузен, где он и находился, пока лагерь не освободили американские войска.

Воспоминания брата об этом периоде заставляют содрогаться от ужаса. Голод был таким сильным, что по ночам несчастные под страхом смерти вынуждены были отправляться на поиски чего-нибудь съестного. В лучшем случае - это были выброшенные на помойку картофельные очистки. В худшем — уже знакомые мыши.

Однажды лагерный охранник, особенно жестокий с заключенными, застал моего брата у мусорной ямы и не замедлил его за это наказать. Энцо должен был бегать по кругу с мешком цемента на спине до полного изнеможения. В другой раз, за какую-то малость тот самый охранник в ярости принялся бить лопатой моего брата; бил до тех пор, пока та не сломалась. Я видел шрамы на теле Энцо от этих ударов.

Когда мой брат вернулся из Матхаузена, он весил 37 килограммов.

Моему другому брату Нэнэ повезло гораздо больше. Он был отправлен в Грецию, в порт Пирей, где уже воевал мой отец. В обязанности отца входило встречать вновь прибывшие итальянские армейские части. Каково же было его удивление, когда однажды он увидел среди новобранцев сына, моего брата Нэнэ. Оба были счастливы не только встрече, но и тому, что Нэнэ направили в Грецию, где военная обстановка была относительно спокойной.

В 43-м году отцу, как участнику Первой мировой войны и по ходатайству моей матери, оставшейся без кормильца, - был такой закон - разрешили вернуться домой.

Мой брат Нэнэ продолжал службу в Греции до падения Муссолини, после чего нацисты начали репрессии против итальянских солдат, которые теперь стали для них предателями. Чтобы избежать концлагеря, Нэнэ дезертировал из армии и ушел к греческим партизанам. В жизни он любил театр и обладал неплохим актерским талантом. Поэтому он часто ходил в разведку, переодетым в стариков и женщин, и добывал, таким образом, ценные сведения для партизан.

Когда американские войска освободили северную Италию, он въехал в Кастано Примо,- наш родной поселок, - на джипе, настоящим триумфатором. Нэнэ раздавал детям конфеты и, вообще, создавал праздничную атмосферу.

Как переживали военные годы жители моего поселка? Спасались тем, что могли собрать в лесу: грибами и каштанами. Кроме того, почти у всех жителей поселка были участки земли, где они выращивали все, что могли. Наша семья тоже кормилась с огорода. Я помню, как отец варил кофе из довоенных остатков соевой муки, а вместо сахара добавлял немного соли, которой тоже не было. Он умудрялся добывать ее, соскребая с сухой соленой рыбы, а затем кипятил соль в воде и высушивал ее до полной готовности. На завтрак я привык пить молоко с солью. Отец говорил, что так вкуснее, потому что молоко тогда похоже на козье, и мне это даже нравилось.

Муку семьям выдавали по талонам. Ее не хватало, и жители по ночам, в комендантский час, рискуя, тайно пробирались на мельницу, чтобы смолотить немного зерна. Если немецкий патруль их останавливал и находил муку, в наказание мешок распарывали штыками и все содержимое выбрасывали на дорогу.

Я хорошо помню, как в последний год войны во время воздушных налетов мы уходили из поселка и я видел, как бомбили Милан. Мне, мальчику, тогда казалось, что это как праздничный салют, но на самом деле было не до праздников.

Чтобы защититься от партизанских диверсий, немцы начали отправлять жителей, в том числе и моего отца, на так называемые «ночные дежурства» и заставляли каждую ночь охранять линии электропередач.

Что касается меня лично, я помню, как мне пришлось стать свидетелем казни. На нашем кладбище появился немецкий отряд с техникой противовоздушной обороны, и немецкие солдаты разрешали мальчишкам посидеть на пушке и даже повертеть ею. И вот однажды, я оказался там, когда немцы расстреливали трех юношей в ответ на убийство партизанами немецкого солдата. Я никогда не смогу забыть об этом. Часть кладбищенской стены, где видны следы выстрелов, существует до сих пор как мемориал в память о расстрелянных партизанах. Моих близких больше нет в живых. Последним ушел из жизни мой брат Энцо. Он редко и с неохотой вспоминал о войне и до конца дней оставался молод и щедр душой, жизнерадостен и воспринимал мир философски. Я думаю, что именно эти качества и помогли ему выжить. Этот мой рассказ — для наших детей и внуков, для будущих поколений итальянцев, не знавших войны, — в назидание и как дань памяти всем погибшим.

Романо Челано

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Об авторе: Хорст Освальд.

Летом 2009 года я приехала в родной Петербург-Ленинград. Что обычно делает человек, который год не был у себя на родине?.. Радуетя встрече с близкими и друзьями. Плачет на кладбище у родных могил. Пытается насладиться «культурной жизнью» на год вперед. Итак, я пошла в Театр Ленсовета на премьеру гоголевского «Ревизора». Рядом со мной сидела супружеская пара – почтенный господин, явно иностранец, и милая русская женщина – его жена. Во время спектакля «почтенный господин» смеялся от души одновременно со всем залом, из чего стало ясно, что чувство юмора у него «наше», русское. Значит, не иностранец, решила я, поскольку известно, у каждого народа свой «порог смеха», но ошиблась... В антракте, как водится, мы познакомились. Она – Светлана, русская. Он – Хорст, немец. Хорст очень хорошо говорит по-русски, почти без акцента. На мой «дежурный» вопрос, откуда так хорошо знает русский язык, ответил, что начал говорить по-русски давно, 65 лет назад, во время войны». Так в разговоре возникла тема, для «русско-немецкого» диалога, деликатная, «на нерве», - тема Второй Мировой войны. «Моя жизнь началась с войны и ею определилась. Я всегда сержусь, когда плохо говорят о русских, - я их знаю с детства!» - произнес Хорст. Попросила: «Расскажите!» Вот история немца Хорста Освальда, написанная им на *русском* языке, без сокращений и каких бы то ни было поправок.

Светлана Петрова

Дрезден, 1945.

Мне, Хорсту Освальду, родившемуся 3 января 1937 года, в 1945-м было 8 лет. Я уже был достаточно взрослым, чтобы сознательно пережить последние месяцы войны. Наша семья состояла из шести человек: отец, мать и четверо детей – три мальчика и девочка. Жили мы в новом районе Дрездена «Eugen-Bracht-Straße», недалеко от центра города. Отец служил фельдшером в медицинском подразделении армии в звании «старшего фельдфебеля». В 1945 году он оказался в американском плену, но это совсем другая история...

Первое, что глубоко врезалось в память о войне, - это частые ночные бомбёжки в феврале и спецсообщения по радио о боевых отрядах «Вервольф»² и событиях на фронте. Я знал, что отец на фронте, и очень внимательно их слушал. Правда, эти сообщения не очень-то вязались с тем, что нам рассказывал папа: он был мирным человеком и без особой враждебности говорил о «русских».

Ночные бомбардировки начинались с того, что мы, крепко спавшие, просыпались от ужасного воя сирен, хватали приготовленные с вечера вещи и мчались в подвал. Мы жили на первом этаже, поэтому всегда оказывались первыми на ставших уже «нашими» постоянных местах в бомбоубежище. Через несколько минут слышались угрожающий гул самолётов, взрывающиеся гранаты зенитных пушек, грохотание пулемётных очередей и, то совсем близко, то подальше - взрывы бомб.

Моя мать, наученная горьким опытом частых бомбежек, раздавала на хранение узелки с нашими вещами по домам знакомых и родственников. Таким образом, в уцелевших после очередной бомбежки квартирах, хоть что-то оставалось из распределенного имущества у кого-то из них.

13 февраля 1945 года – этот день мне запомнился на всю жизнь: бомбили наш Дрезден. После этой страшной бомбежки, когда центр был полностью разрушен и город горел, мы с мамой привычно пошли по домам собирать то, что осталось. Шли пешком по пылающему городу и видели весь ужас, страдание, страх, горе...

Рёв больших военных самолётов так прочно врезался в мое сознание, что много лет спустя, когда я слышал гул пролетающих самолётов, всякий раз мороз пробегал по коже.

Ровно через семь лет, 13 февраля 1952 года, на памятной встрече в училище, где учился, я вспоминал об этой самой страшной военной ночи. Во время моего рассказа я ловил иронические взгляды и ухмыляющиеся лица старших коллег, тогда я спросил их: в чём дело? Мне ответили, что не верят, как у меня, семь лет спустя после войны, могут остаться такие яркие воспоминания о том времени... ведь мне было всего 8 лет.

После этого, я никогда никому больше не рассказывал о той жуткой ночи и следующем за ней дне. Но эти воспоминания до сих пор живут во мне, в семидесятитрёхлетнем старике! Следующее, что хорошо помню - это настырные посещения «квартильного»³, который уговаривал мать покинуть город, бежать от русских, пугая нас страшными рассказами и призрачными представлениями о русских. Но моя мама упрямо отказывалась, так как не хотела подвергать нас непредвиденным опасностям бесцельной дороги. «Мой муж будет искать нас здесь», - был её непоколебимый аргумент.

И квартильный перестал надоедать нам, куда-то исчез. По городу поползли слухи, каждый час курсировали новые сообщения: «Неподалеку у церкви уже были американские танки!», «Со стороны Reik подходят русские!»...

Нам, как любым детям, будь то немецким, русским или итальянским мальчишкам и девчонкам, было все интересно и любопытно. И мы то и дело мчались к улице Reiker, находящейся в ста метрах от нас, чтобы не пропустить первые танки.

И однажды утром, проснувшись, мы обнаружили, что русские уже пришли! В нашем квартале стояли грузовики с пехотинцами и полевая кухня.

К обеду в дверь позвонили. Перед нами стояли три человека, один в гражданском и двое в форме. Человек в гражданском, переводчик, объяснил матери, что одному из офицеров необходимо жильё. У нас была большая квартира: спальня, детская, большая кухня, ванна и гостиная. В гостиной - большой светлой комнате - собиралась вся семья только в выходные

дни и праздники. Это была «парадная» комната: там стояла полированная мебель, лучшая посуда, красивый сервиз... После недолгих переговоров, мать повела их именно туда, в эту самую лучшую комнату.

Так у нас появился постоялец – молодой русский офицер. Днём его не было, а по вечерам он приносил на кухню паёк: хлеб, колбасу, яйца, иногда масло. Нас, детей, гладил по голове и приглашал к себе в комнату. Там почти всегда ждало нас что-то особенное: яблоки, конфеты или печенье. Он садился за стол, брал листок бумаги, карандаш и начинал рисовать. При этом все время что-то говорил, рассказывал...

Он рисовал природу и дома. Дома выглядели старыми, с весёлыми круглыми окнами. Я не могу сейчас сказать, на каком языке он говорил, но мы слушали внимательно и я понимал его. Он рассказывал о своей матери, жене и своём сыне, которому было столько же лет, сколько и мне; говорил, что скоро вернётся домой, так как страшная война наконец-то закончилась и «Гитлер капут». Он сажал меня на колени и пел русские песни: одни были печальные, другие – веселые, но все они были очень красивые.

Такие вечера, проходившие обычно при свете свечей, заканчивались тем, что мой младший брат засыпал и его приходилось относить на руках в постель. И я, ложась в кровать, также быстро засыпал спокойным мирным сном.

Внушённый страх перед русскими исчез для меня бесследно. На улице я приветствовал всех «здрате» и «привет»; солдаты весело смеялись, брали за руку и вели к полевой кухне, где угощали горячим густым супом.

Не знаю, сколько недель постоялец пробыл у нас, скорее всего немного, и однажды двор опустел, русские военные уехали.

Позже я слышал от соседей и одноклассников про русских, которые воровали и насиловали немецких женщин. Но я знал - тут что-то не так, русские, которых знал я, были не способны на такое.

Помню летнюю ночь 1945 года. Проснулся я от громких мужских голосов и от крика матери. Моя бабушка, приехавшая из Каменца нам помочь (отец был ещё в плену), выхватила меня из постели и понесла к матери в спальню. По квартире, шатаясь, разгуливали подвыпившие мужчины. Прежде чем я окончательно проснулся и понял, что происходит, в комнате появились военные и вывели пьяных из квартиры. Это мой старший брат, когда в квартиру ворвались чужие, выскочил из окна и побежал за помощью в комендатуру. Действовать таким образом научил его наш бывший русский постоялец.

Потом оказалось, это были освобожденные узники концлагеря, которые по дороге на родину напились, и решили в нашем квартале «отомстить» за всё. Они не говорили ни по-немецки, ни по-русски, как я уже тогда установил... По-русски говорили люди в форме, освободившие нас от «расплаты».

Я начал пользоваться любой возможностью говорить по-русски. В моем запасе русских слов первыми были: «хлеб», «суп», «масло», «пошли!», «дай!», «пожалуйста», «спасибо». Когда в пятом классе начались уроки русского языка, мне показалось, что большинство слов я уже когда-то слышал и знаю, как они правильно произносятся. Помню, господин Фритче⁴, учитель русского языка, начиная свой первый урок, взял в руку карандаш, долго молча осматривал его со всех сторон и медленно сказал: «Это карандаш».

И сразу у меня в памяти всплыла мирная картина: молодой русский офицер рисует при свете свечей старые русские избы с весёлыми круглыми окнами, мой младший брат спит рядом, а я сижу и слушаю незнакомые красивые песни.

После окончания восьмилетки я учился в училище и приобрёл профессию электромонтёра. Мне хотелось учиться дальше. В 1954 году получил аттестат зрелости и в 1957-м поступил в университет в Лейпциге на математический факультет. В конце первого учебного года мне предложили продолжить учёбу за границей, в Советском Союзе. Не раздумывая, я согласился. Так я стал студентом Ленинградского Университета математико-механического факультета и в 1963 году успешно его закончил.

Помню, будучи студентом 2-курса, я немножко физически переусердствовал – «переучился» - и меня отправили на отдых в санаторий под Ленинградом. С собой взял книгу К. Г. Паустовского «Северная повесть». Читая первые 10 страниц, я ещё пользовался словарём, потом книга меня так захватила, что словарь уже был ни к чему – я угадывал новые слова из контекста. С тех пор я «влюбился» в русскую литературу, мои любимые писатели: Толстой, Чехов, Пушкин, Ильф и Петров, Булгаков, Лермонтов, Мамин-Сибиряк, Шолохов.

Для меня Россия - вторая родина: очень большая, неисчерпаемая, просторная, разжигающая любопытство своими противоречиями. Страна с гостеприимным народом, основополагающая черта которого - человеческое великодушие!

*Хорст Освальд.
Оберурсель, 2010 год
Германия*

.....
¹ движение «Вервольф», организованное гитлеровцами в последний год войны, для ведения партизанской войны в тылу наступающих советских войск.

² «квартальных» боялись все, так как они являлись связным звеном между населением и фашистской партией Гитлера («Национал-социалистическая немецкая рабочая партия» («NSDAP»).

³ г-н Фритче был первым моим учителем русского языка. Он был великолепным педагогом, но за пацифистские взгляды, нацисты рано отправили его на пенсию. В 1947 году был восстановлен в должности, но уже через 2 года снова отстранен: учителей-пацифистов стали увольнять с работы по той же причине, что в фашистские времена (!).